

Судьба–на-гора

Можно говорить о нем как об авторе, которым написана стихотворная история города «с хрустальным названием Ангарск». Можно рассказать о нем как о человеке, который всю жизнь умел подниматься.

О нем нельзя только промолчать, когда речь идет о достоянии, накопленном городом к своему 60-летию (хотя родился он задолго до рождения самого Ангарска). Потому что его зовут Вадим БОГАТЫРЕВ, он же - Вадим Штейнберг.

ЦВЕТА ЮНОСТИ

В «Цветной биографии» Богатырева есть строчки:

Мое досье - ужасный винегрет.

Я был артистом, пас колхозных телок

И осаждал редакции газет.

Солдатом я форсировал Бэкона,

Конструктором варганил «Крокодил»,

Я был массовиком и предзавкома

И даже чертом в оперетте был.

А в прозе жизни мальчишке по фамилии Штейнберг (закончившему в предвоенном 1940-м иркутскую школу №37) и в голову не пришло бы предположить, в какие цвета окрасится его будущее. У мечты цвет, конечно же, светлый: вот поступлю в высшее морское училище в Ленинграде, за два с половиной года стану офицером, понадобится - буду Родину защищать. В его классе этого хотели все мальчишки без исключения. Вадим - особо: его к карьере военного готовили с раннего детства. В 5 лет он умел плавать и обучался боксу. Было с кого брать пример: дед-силач мог перекреститься двухпудовыми гириями, отец владел искусством кулачного боя. Медкомиссия парня одобрила.

Цвет померк, когда к абитуриенту с немецкой фамилией проявил внимание особый отдел. Отец во время Первой мировой войны провел два года в германском плену - не завербован он? Второй его дед - протоиерей. О чем говорить, опиум для народа...

Все это не помешало в 1942-м году призвать Вадима Штейнберга, уже студента мединститута, на службу в ряды читинского стройбата. Годом позже оказалось, что соотечественникам с подобными фамилиями не доверяется даже это. Когда фашисты штурмовали Сталинград, советских граждан из «неблагонадежных» семей генералиссимус с трубкой отправил штурмовать кемеровские шахты.

Сын «подозрительного» гидростроителя Николая Штейнберга (ставившего плотины от Москвы до Дальнего Востока) и выпускницы Бестужевских курсов Елены Штейнберг (в возрасте 23 лет ставшей директором детдома) рубил уголь за колючей проволокой. Угольная пыль, вьезшаяся в кожу, и спустя 70 лет все еще с поэтом... Рабсилу ценили: кормили, лечили, выпускали из спецпоселения сходить на базар, даже отправляли в санатории. Оставалось выжить душой после того, как кто-то решил править твоей судьбой вопреки твоим мечтам. Молодому шахтеру помогли стихи, которые он писал для себя или относил в местную газету.

Как мощно-тяжело забойщики идут
И шаркают чунями лесогоны,
Как будто на плечах подземный ад несут
Спрессованных тысячелетий тонны

ЛЕСТНИЦА ЖИЗНИ

Казалось бы, спецпоселение за колючкой, несмотря на какие-то ни было поблажки - это уже почти заключение. Куда же более? Однако однажды еще затемно сон прервала милиция: приказано прибыть с вещами в прокуратуру. Пресловутая «тройка» людей в погонах приговорила Вадима Штейнберга к восьми годам лагерных работ за... «побег с производства». Кто бы знал, что прежние физические навыки пригодятся в зоне, где Вадим провел полгода среди уголовников. Возникло ощущение, вылившееся в строку стихотворения «Оболган - стерт!»

Мама, Елена Леонидовна, подала кассационную жалобу. Вадим был возвращен на шахту. Как трудно подниматься после крушений, сложно понять тому, кому не приходилось по-ахматски уходить «в никуда и в никогда как поезда с откоса». Вадиму Нилаевичу удалось вернуться из «никуда и никогда». Ангарчанином он стал с 1949 года.

Прости меня, мой дымный Вавилон,
Мой снисходительный и умный
город,
За то, что так бездумно я влюблен,
За то, что так прекраснодушно
молод!

Третья, уже удачная, попытка обучения - в техникуме жидкого топлива - совпала с любовью к дочери полковника МВД Татьяне Богатыревой. Нельзя сказать, чтобы настоящий полковник был счастлив породниться с бывшим заключенным и разрешить дочери носить «опасную» фамилию). При

регистрации брака Вадим Штейнберг взял фамилию жены. То супружество, увы, оказалось недолгим.

Своей нынешней жене Светлане Мельчиной Вадим Николаевич не открывал полностью перипетий своей судьбы до самого 1982 года - года, когда вышел закон о реабилитации репрессированных. Светлана Федоровна взяла дело в свои руки и не пожалела 16 лет жизни, чтобы избавить мужа от поражения в правах. Даже после выхода закона это потребовало море сил на бесконечные поездки по стране и бесконечную переписку с бюрократами. С 1943-го до 1998-го прошло 55 лет, прежде чем Вадим Богатырев (Штейнберг) был реабилитирован. Более полувека за фамилию - страшный масштаб.

ХРАНИТЕЛЬ НАШИХ ЛЕТ

9 лет биографии Вадима Николаевича отдано ангарскому «комбинату-16» и 16 лет - ОКБА. Раз предполагается, что без прошлого нет будущего, значит, все это где-то должно храниться. В стихах Богатырева - своеобразный «музей Ангарска».

При этом «наш», ангарский, современный Богатырев прежде всего поэт, у которого есть свой штрих, как подпись под картиной. Ее ни с чьей больше не спутать. Вадиму Николаевичу дано соединять высокий стиль и земную деталь. «И горы ожили, любуясь новостройкой, вершины в изумленьи приподняв» - это о рождении нашего города. «О! Ты держал в ладонях мирозданье, хоть не имел приличного пальто...» - о художнике Юрии Митькине.

Бывает, подходящие слова ищешь подолгу и для прозы. А тут - вспышки стихотворные. «Его колонны – словно мамонтовы ноги» - и разве ангарчанину возможно представить что-либо кроме ДК нефтехимиков? Есть у него и шаржи, и просто шутки: «Хотите, подарю китайский мост и даже не спрошу у исполкома?»

Вадим Богатырев в литературе с холодного 1937 года. В литобъединении Ангарска - с самого основания. Возможно, он один в нашем городе помнит фамилию первого руководителя литобъединения: Лаповок. Автор таких сборников стихов, как «Тропа восхождения» (1991), «Далекое созвездие» (1995), «Саги старого леса» (2006)... А совсем недавно в Москве был утвержден членский билет Союза писателей России на его имя. Вряд ли что-то и было бы, если б не девиз-признание: «Всегда любил, всегда прощал людей».

Близкий мне образ из богатыревских стихов - упрямый неиссякающий ручеек, пробивающий себе «Путь к солнцу». И слава Богу, что он звенит в Ангарске, сливаясь с «рекой изумрудною».

В ущелье темном и оледенелом
Ручей звенел и к солнцу путь искал,
Не уставая биться грудью белой
В колени черные угрюмых скал.
Копил холодную, крутую ярость,
Долбил гранит в безмолвии ночей...
Но жил ручей!

И. ВАУЛИНА

Признание. - 2011. - № 1 (апрель). - С. 4-5.